

Агаев Парвиз Ясинали оглы

УДК 81.13

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ
ОДНОЯДЕРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Постановка проблемы. Стремительное развитие новых информационных технологий во второй половине XX - начале XXI в. привело, в частности, к заметному увеличению общего объема речепользования в сфере массовой коммуникации. Тексты массовой информации, или медиатексты, являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности. При этом корпус текстов, ежедневно производимых и передаваемых по каналам средств массовой информации, продолжает постоянно увеличиваться, что ведет к дальнейшему расширению и усложнению структуры и содержания медиадискурса [8, 69-93]. Именно поэтому особую актуальность приобретает вопрос о разработке новых подходов к изучению функционально-стилевого разнообразия современного дискурса. В основе одного из таких подходов и лежит концепция информационно-вещательного или публицистического стиля, которая позволяет изучить коммуникативные особенности одного из основных типов медиатекстов, характеризующегося определенными социокультурными бытийными признаками.

В этой связи особый интерес вызывает рассмотрение речевых произведений как единиц коммуникации в их дискурсивном (ситуация, цели, концепты, фоновые знания и пр.) и собственно текстовом (языковые средства и их конфигурации, вербальный контекст стратегии декодирования (анг. – *decoding*)) планах. Исследование текстообразования речевого этикета дискурса как единицы коммуникации предполагает подход именно с данных точек зрения. В связи с особым вниманием лингвистов к исследованию структуры различных типов дискурса, в том числе его содержательных и формальных единиц, придается большое значение изучению коммуникативного аспекта языковых единиц дискурса, определению их роли как конструктивных элементов связного текста. Подобные элементы также играют решающую роль в процессе построения когнитивной модели дискурса, а также при достижении прагматического эффекта.

Однако эта «связанность» в двух актах – собственно номинации и предикации – носит принципиально нетождественный характер в силу различия функций этих актов. В описании речевой деятельности феномены номинации и предикации рассматриваются не только как разные, но и как противопоставленные друг другу при переходе от мысли к речи.

Термин «речевая деятельность» – это сложное образование именно потому, что она связывает в единый узел все те диалектические противоречия, которые приписывались дихотомии языка и речи. Ведь язык противопоставляется речи то как социальное индивидуальному, то как виртуальное актуальному, то как абстрактное конкретному, то как код сообщению, то как парадигматика синтагматике, то как синхрония диахронии, то как норма стилю, то как система («клетки») реализации ее (заполненные и «пустые» клетки), то как (врожденная) способность (*competence*) использованию ее (*performance*) в смысле Хомского и т. д. и т. п. Одни связывали эту дихотомию с дихотомией *energeia – ergon* Гумбольдта, другие – и неосновательно – с дихотомией *Sprache – Rede* Пауля и Габеленца. Но при любой интерпретации... никто не отрицал наличия той кардинальной дихотомии, на которую расщепляется речевая деятельность человеческого общества» [16, 23].

Термин «речевая деятельность» рассматривается как речемыслительная, как сложное явление, имеющее разные стороны и аспекты: коммуникативный (касающийся общения), семиотический (системы знаков), информационный (передачи и обмена информации) и особых механизмов речи, соответственно с основными проблемами, как говорит человек и как порождается речевой поток и, наконец, какое место в этом процессе занимают акты и явления номинации. Системой языка по-прежнему занимается традиционная лингвистика, хотя тоже в гораздо меньшей степени, чем раньше. Зато в самостоятельные лингвистические дисциплины выделились психолингвистика и лингвистика текста. У психолингвистики, или, как мы говорили выше, лингвистике речи и речевой деятельности, главным объектом ее исследования оказываются процессы речеобразования и восприятия речи.

Для полной характеристики психолингвистических исследований недостаточно, однако, простого указания на область ее анализа. Теоретические предпосылки адекватного подхода к выделенному объекту и задачи новой науки закладывались по мере развития функциональных направлений в изучении языка – порождающей грамматики, т. е. они формировались параллельно кардинальной перестройке фундамента всей лингвистической теории.

Акт речи выступает уже не только как лингвистическая и психолингвистическая, но и как социолингвистическая единица. На анализе речевых актов со всех этих точек зрения и строится исследование речевой деятельности; разные задачи исследования позволяют в то же время сосредоточить внимание исследователя на том или ином ракурсе речевых актов и даже на такой составляющей речевого акта, как речевое высказывание.

Ключевые понятия современной теории речевых актов – это прежде всего акты речи, в ходе осуществления которых рождается речевой материал. И хотя, конечно, с появлением прагмалингвистики и с включением в нее теории речевых актов в самой теории речевой деятельности наметились существенные преобразования, нельзя думать, что только с формирования прагмалингвистики или коммуникативной лингвистики начинаются попытки заложить основы теории языковой деятельности.

По своим программным установкам и прагматика, и теория речевых актов как ее составная часть направлены на изучение вербальной коммуникации. Такие задачи, как изучение моделей

коммуникативного воздействия языка или моделей использования определенных форм языка в конкретных условиях и для достижения конкретных целей, разработка когнитивных моделей производства и восприятия речевых актов и т. п. – все это, конечно, по крайней мере, на первый взгляд сближает указанные направления лингвистики с психолингвистикой. На практике, однако, указанные дисциплины решают разные задачи, а психолингвистика с течением времени перестраивается.

Концепция смысла послужила основанием в схеме порождения речи еще одно звено, относящееся к переходу от смысла к речи и уточнившее ее прежнюю форму «от мысли – к слову», внутреннее программирование. Такое представление порождения речи имеет как свои положительные, так и свои отрицательные стороны.

Достоинства концепции смысла А.А.Леонтьева по сравнению с иными психологическими концепциями смысла заключается в том, что смысл рассматривается не как сформировавшийся феномен сознания, а, напротив, как отражение человеческим сознанием формирующегося отношения предмета к деятельности человека. Эта концепция смысла показывает механизм возникновения так называемых ситуативных контекстных значений слова.

В терминах современной лингвистики можно также утверждать, что эта концепция наталкивает мысль исследователя на необходимость изучения прагматических факторов как оказывающих свое влияние на складывание личностных смыслов и их конкретный облик. В еще более широком контексте можно рассматривать эту концепцию, как и всю теорию Л.С.Выготского, как наталкивающую на необходимость признать наличие в речевой организации человека особых механизмов, ответственных за стратегии воплощения смыслов и их перекодировки в речь, с одной стороны, и за стратегии извлечения смысла из текста, с другой, на что указывает.

Эти высказывания приводятся лишь для того, чтобы показать, что при всей заманчивости синтеза прагматики с психолингвистикой и существовании несомненных точек их пересечения [13, 27] ориентируются они на достижение разных целей. Так, прагматика явно уходит от постановки проблем о языке и мышлении, о роли языка в процессах познания, о соотношении языка и действительности в отражении действительности и т. д., но для психолингвистики они по праву продолжают считаться едва ли не центральными.

В одном из первых психолингвистических исследований по онтогенезу речевых актов прямо указывается, например, что известные работы Остина, Грайса, Серля и других философов-аналитиков представляют интерес больше как иллюстрация развиваемого ими подхода, нежели как «источник информации для выводов». А.А.Леонтьевым речевые акты описываются «для проверки гипотезы о том, что на ранних этапах язык... должен отражать природу когнитивных процессов, продукт которых он кодирует» [13, 24]. Эта линия анализа – от мысли к языку – отчетливо прослеживается и в работах психологов, закладывавших фундамент будущей психолингвистики. При исследовании языковой деятельности (функционализации языка) и речевых актов в прагматике ставятся иные проблемы, связанные с влиянием речи на слушающего, с ее непосредственным эффектом и уместностью в данное время и в данной ситуации. В говорящем интересует в основном лишь то, адекватно или нет выбрал он языковые средства для достижения поставленной цели и какие стратегии им использованы, соблюдены ли им условия истинности высказывания или его искренности и т. п. Отсюда внимание к принципам коммуникативного сотрудничества и к тем выводам, которые слушающий может извлечь из сказанного. Трактую речевой акт как действие (просьбу, угрозу, приказ, извинение, вопрос и т. п.), в прагматике упускают из виду, что далеко не все случаи речевых действий могут быть отождествлены с действиями практическими (не случайно в быту распространено убеждение в том, что слово противоположно делу или может с ним расходиться). Характеризуя психическую деятельность человека, Л.С.Выготский проводит аналогию между обычными орудиями труда и речевыми знаками и делает вывод о том, что «определяющим целым или фокусом всего процесса является знак и способ его употребления. Подобно тому, как применение того или иного орудия диктует весь строй трудовой операции, подобно этому характер употребляемого знака является тем основным моментом, в зависимости от которого конституируется весь остальной процесс» [10, 160]. Как пишет В.А.Звегинцев, «реально язык существует лишь в своих воплощениях, имеющих полную знаковую форму. Одна из этих реализаций воплощается в речи. Но язык имеет и другую реализацию, и эта другая реализация воплощается в мышлении, которое также имеет знаковую форму» [11, 218].

Выводы и перспектива. Таким образом, отношения между языком и мышлением понимаются нами как асимметричные и даже как однонаправленные: признавая возможность как вербального, так и авербального (невербального) мышления, мы полагаем одновременно, что любой сформированный результат речевой деятельности (речевой акт, который удалось зафиксировать в виде речевого произведения, речевое высказывание) свидетельствует о предшествующей работе мозга: нормальная речевая деятельность – свидетельство работы сознания и его доказательство, объективация, экстерниоризация и т. д. Путь мышления – не обязательно к речи; путь речи – обязательно от мышления. Проанализировать речевую деятельность – значит, для нас, прежде всего, вступить в этот неведомый, невидимый и пока в значительной мере непознанный мир, который именуется сознанием или мышлением человека, а это значит одновременно – вступить и в мир догадок, интроспекции, предположений.

Источники и литература:

1. Арутюнова Н. Д. Истина : фон и коннотации / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : Культурные концепты. – М. : Наука, 1994. – 383 с.
2. Арнольд И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика / И. В. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте : межвуз. сб. науч. трудов. – СПб., 1993. – С. 97-101.
3. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта, Наука, 2004. – 495 с.
4. Баева Г. В. Семантико-прагматические особенности вербальных и невербальных знаков в рекламном дискурсе на материале немецкой прессрекламы : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Г. В. Баева. – Тамбов, 2000. – 22 с.
5. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики : модели мира в литературе / В. П. Белянин. – М., 2000.
6. Березин В. М. Массовая коммуникация : сущность, каналы, действия / В. М. Березин. – М., 2003. – 262 с.
7. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики : языковая интерпретация / А. В. Бондарко. – СПб. : Идеи времени, 1999. – 256 с.
8. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание коммуникации / Т. А. Ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 244 с.
9. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; под ред. Т. В. Бульгиной; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
10. Выготский Л. С. Мышления и речь. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. – М., 1956.
11. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – 307 с.
12. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972.
13. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А. А. Леонтьев // Синтаксис текста. – М. : Наука, 1979. – 190 с.
14. Мухин А. М. Вариантность синтаксических единиц / А. М. Мухин. – СПб. : Наука, 1995. – 366 с.
15. Новиков А. И. Семантическое пространство текста и способы его членения / А. И. Новиков // Категоризация мира : пространство и время. – М. : Наука, 1997. – 220 с.
16. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику / Л. В. Сахарный. – Л., 1989.
17. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1993. – 395 с.
18. Сорокин Ю. А. Текст, цельность, связность, эмотивность. Аспекты общей и частной лингвистической теории языка / Ю. А. Сорокин. – М., 1982.
19. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания / И. Г. Торсуева. – М. : Наука, 1979. – 111 с.
20. Фаталева Н. Р. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. Р. Фаталева. – М., 2000. – 200 с.
21. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М. : Наука, 2004. – 236 с.

Асланова Зарина Натик кызы**УДК 81-13****ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИФИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО ВРЕМЕН**

Постановка проблемы. Проблема художественного пространства времени, как известно, впервые была поставлена Г.Э. Лессингом в трактате «Лаокоон»; в XX веке серьёзный вклад в её изучение внесли А.А. Потебня, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачёв. Однако существует целый ряд проблем, связанных с этими категориями, относительно которых у исследователей ещё не сформировалось единого мнения. Особенно это касается художественного времени. Хотя пространство и время взаимосвязаны (как в реальной действительности, так и в художественном мире), значительная часть споров и разногласий в литературоведении и искусствоведении связана именно с категорией художественного времени. Ситуация осложняется ещё и тем, что до сих пор не существует единой, общепринятой литературоведческой терминологии, связанной с пространственно-временной структурой произведения, одни и те же термины могут использоваться в самых разных значениях.

Темпоральность – это категория, соотношенная с одной стороны, с объективным временем, а с другой стороны, с отражением временных отношений действительности в сознании людей. Модель темпоральности можно представить как спроецированную на языковую плоскость спираль, охватывающую все уровни языка. Основной формализованной структурой, передающей характер соотношенности событий, является система грамматических категорий времени, вида и временной соотношенности [7, 7]. В узком смысле грамматическая категория времени выражает соотношенность именуемого формой действия (состояния) с моментом акта речи и тем самым принадлежность действия к плану настоящего, прошедшего и будущего и реализуется соответствующими глагольными формами (Present, Past, Future). Однако в нестрогом употреблении под грамматической категорией времени понимают языковую категорию,